

ЮТТА БРУННИ: МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Интервью с Ютты Брунни, профессором Университета Торонто (Канада)

JUTTA BRUNNEE: INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW: CURRENT DEVELOPMENT TRENDS

Interview with Jutta Brunnee, professor at the University of Toronto (Canada)

Ютта Брунни

Визитная карточка

Ютта Брунни – профессор Университета Торонто (Канада). Ее преподавательские и исследовательские интересы связаны с международным публичным правом в целом и международным экологическим правом в частности. В последнее время она уделяет существенное внимание вопросам взаимодействия международного права и теории международных отношений, соблюдению норм международного права, вопросам применения силы, международным экологическим соглашениям, вопросам изменения климата и международным режимам экологической ответственности. Профессор Ю. Брунни – автор многочисленных научных работ, но прежде всего надо отметить, что она является соредактором и соавтором «Оксфордского учебника по международному экологическому праву» (“Oxford Handbook of International Environmental Law”, Oxford University Press, 2007), а также соавтором монографии «Международное право изменения климата» (“International Climate Change Law”, Oxford University Press, 2017). Профессор Ю. Брунни состоит в членстве ряда профессиональных сообществ: Комитета по правовым принципам, связанным с изменением климата, Ассоциации международного права; Комиссии по стихийным бедствиям и международному праву Института международного права; Комиссии по экологическому праву Всемирного союза охраны природы (МСОП); в 2013 г. была избрана членом Королевского общества Канады. Существенное внимание проф. Ю. Брунни уделяет работе в различных юридических журналах; например, в течение десяти лет (2006–2016 гг.) работала в совете редакторов Американского журнала международного права. В 2019 г. читала курс в Гаагской академии международного права. В апреле 2019 г. проф. Ю. Брунни выступила с докладом в рамках Международного конгресса «Блищенковские чтения» в Российском университете дружбы народов (г. Москва) и прочитала курс лекций «Процедура и основные обязательства в международном экологическом праве».

– Уважаемая Ютта, Вы родились в Германии, учились в Германии и Франции, но постепенно перебрались на другой континент и уже много лет живете в Канаде и преподаете в Университете Торонто. Скажите, есть ли разница в юридических подходах у европейских и канадо-американских ученых в отношении международного права в целом и международного экологического в частности?

– Это интересный вопрос, Александр. Я бы сказала, что главное отличие состоит в том, что доктринальный подход к международному праву гораздо более распространен среди европейских, чем среди канадских и североамериканских ученых. Доктрине международного права и правовой доктрине в целом характерна большая междисциплинарность и большая глубина в этом смысле именно у нас – в Северной Америке. Обратная сторона такого подхода заключается в том, что европейцы, как правило, более склонны относиться к международному праву как к «чистому» праву и стремиться к разработке договорных режимов и доступа к правосудию. Я бы сказала, что в целом это относится и к международному экологическому праву. Возможно по этой причине и неудивительно, что некоторые из наиболее критических замечаний по отношению к международному экологическому праву исходили от европейских ученых, выражающих обеспокоенность по поводу так называемой «процедуризации» в этой области международного сотрудничества, иными словами – роста обязательств субъектов по совершению определенных процедурных действий.

– Когда у Вас возникла идея заниматься международным экологическим правом и почему?

– Как вы упомянули выше, я выросла и изучала юриспруденцию в Германии. Поступила на юридический факультет в 1980-х годах, когда сокращение лесного покрова, вызванное «кислотными дождями» и трансграничным загрязнением воздуха на большие расстояния, широко обсуждалось в Германии. Учитывая, что многие страны пострадали от загрязняющих веществ, источник которых находился за границей (и, следовательно, вне их контроля), я заинтересовалась той ролью, которую международное право может сыграть в решении проблемы такого трансграничного характера. Международное экологическое право было относительно новой областью в то время, что также очень вдохновило меня на исследования. Мне удалось наблюдать за появлением и развитием новых норм и подходов в этой области международного права.

– Ваша диссертация была посвящена защите озонового слоя, по итогам защиты была подготовлена монография «Кислотные дожди и истощение озонового слоя» (“Acid Rain and Ozone Layer Depletion”, 1988). Сегодня международно-правовой режим, созданный Венской конвенцией и Монреальским протоколом (с поправками), считается одним из наиболее эффективных в международном праве. Вы согласны с этим тезисом? Что можно ответить тем ученым, которые считают, что этот режим скорее был создан для экономического давления и продвижения западных технологий в другие страны, а озоновая дыра как образуется, так и исчезает по собственной природе?

– Да, моя диссертация выросла из проблемы, о которой мы говорили в предыдущем вопросе – трансграничное

загрязнение. В диссертации я старалась показать две стороны проблемы: одна из них была связана с загрязнением на большие расстояния, возникающим в одних странах и влияющим на другие, а вторая – с загрязнениями повсюду на Земле, негативно влияющими на общий ресурс, находящийся за пределами юрисдикции государств – озоновый слой. Я считаю верным тезисом, что Монреальский протокол стал очень успешным природоохранным соглашением. Он действительно стал глобальным договором, он нашел способ поддержать менее обеспеченные ресурсами страны для перехода к «озонобезопасным» веществам и технологиям, он был не сложен при имплементации. Более того, именно в рамках Монреальского протокола была апробирована модель создания специального договорного органа, контролирующего его соблюдение. Я должна сказать, что никогда не слышала критику режима, о который вы говорите. Насколько мне известно, наука об истощении озонового слоя и озоновых дырах довольно однозначна – проблема возникает в результате выброса определенных веществ, которые затем остаются в атмосфере в течение длительного времени, поглощая защищающий от ультрафиолетовых излучений экран Земли. Из-за длительного времени пребывания химических веществ в атмосфере решающее значение имело быстрое прекращение использования озоноразрушающих технологий. Что касается интересов западной промышленности, то вполне возможно, что-то в этом есть, хотя я не думаю, что их продвижение было целью соглашения. В конце концов, крупные западные производители озоноразрушающих химических веществ изначально были категорически против принятия Венского соглашения.

– Многие Ваши научные работы посвящены проблеме изменения климата. В частности, весьма известная монография «Международное право изменения климата» (“International Climate Change Law”, Oxford University Press, 2017), соавтором которой Вы являетесь. У Вас есть учебный курс, посвященный изменению климата, в рамках которого Вы в том числе обсуждаете вклад Канады в

дело борьбы с изменением климата. Не могли бы Вы кратко рассказать о канадском подходе к этой проблеме?

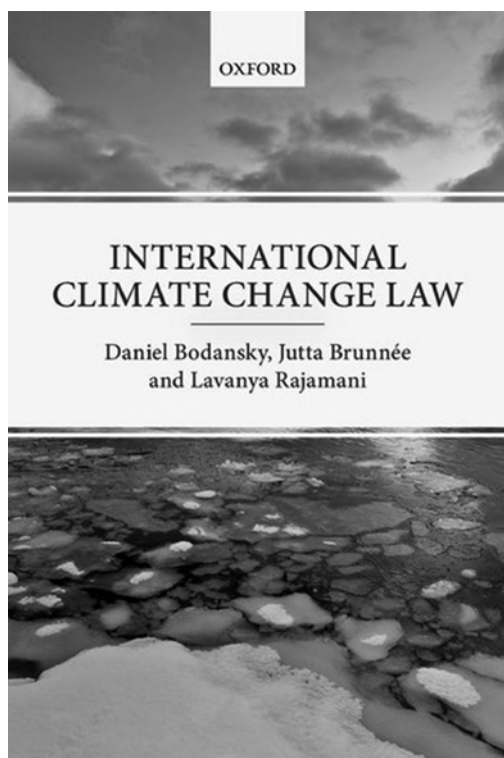
– Канадский подход в некоторых отношениях представляет собой «микроскоп вызовов», которые также возникают на международном уровне, когда речь идет о согласовании срочных вопросов – что следует делать с этим, кто должен предпринимать действия и кто должен нести какую часть бремени и быть ответственным за переход к низкоуглеродной экономике. Последнее является проблемой для Канады большей, чем для многих других стран, учитывая значимость добычи нефти для канадской экономики. В Канаде большинство людей считают, что изменение климата является чрезвычайной и неотложной угрозой. Но в стране идут дебаты о том, что раз на Канаду приходится менее 2% глобальных выбросов парниковых газов, то нужно понять, что и в каком объеме мы должны делать. Лично я считаю, что Канада должна предпринять решительные и серьезные шаги. Я потрясена тем, что в преддверии осенних федеральных выборов некоторые политики сделали главной опорой для своих избирательных кампаний отказ от действий в сфере борьбы с климатическими угрозами (таких, как установление цен на углерод). Изменение климата требует от всех нас брать на себя ответственность, а не играть в политику.

– Какой вклад, на Ваш взгляд, могут внести негосударственные субъекты (ТНК, коренные народы, отдельные города и т.д.) в борьбу с изменением климата?

– Это очень важный вопрос. Поскольку борьба с изменением климата связана с изменением всей нашей повседневной жизни, то крайне важно, чтобы мы все брали на себя ответственность на каждом возможном уровне. ТНК могут многое сделать, начиная с сокращения своего «углеродного следа», т.е. последствий своей промышленной деятельности. То же самое касается городов и каждого из нас. На мой взгляд, каждый гражданин должен сообщить своему правительству, что климатические действия являются для них приоритетными. Возвращаясь к грядущим выборам в Канаде, надо подчеркнуть, что изменение климата не является проблемой кого-то другого или чьей-либо другой ошибкой. Таким образом, канадцы и граждане всего мира должны голосовать за политиков, которые готовы противостоять вызову, а не делать вид, что это не срочно или что мы можем бороться с ним без каких-либо жертв. Что касается НПО, то я бы сказала, что они могут сыграть важную роль, информируя людей и активно участвуя в судебных процессах, связанных с изменением климата.

– Разрешите задать дискуссионный вопрос: насколько принцип «загрязнитель платит» применим к проблеме изменения климата? Сегодня ряд ученых и практиков считают, что проблематика изменения климата не связана с загрязнением окружающей среды, а является исключительно экономическим вопросом, связанным с декарбонизацией экономики.

– Одна из проблем, связанных с изменением климата, о чем мы говорили ранее, заключается в том, что это крайне многоаспектное явление. Важно подчеркнуть, что это не только экологическая проблема, но также и экономическая, социальная, технологическая проблемы, проблема безопасности и проблема обеспечения глобальной справедливости (и это далеко не весь «букет проблем», вытекающих из изменения климата). Таким образом, безусловно, экономические соображения и инструменты важны для решения проблемы изменения климата. И хотя одного только взгляда с точки зрения экономики на проблему изменения климата недостаточно для её решения, но она является незаменимой. Действительно, без декарбонизации наших экономик мы

Монография «Международное право изменения климата»

не сможем изменить ситуацию. Конечно, декарбонизация экономики хотя и связана с уменьшением экономических рисков (например, от инвестиций в «неактивные активы»), она также является еще одним способом сказать, что наша экономика должна прекратить работать и инвестировать в топливо на основе углерода (загрязняющие вещества!).

– Как Вы думаете, сможет ли человечество преодолеть проблему изменения климата в принципе? Что реально для этого может сделать международное право?

– Обескураживает мысль о том, как долго мы знаем о том, что вызывает изменение климата (то есть о том, что оно вызвано деятельностью человека), как долго нам приходилось вмешиваться в эту проблему и насколько легче было бы это сделать, если бы мы начали это делать раньше. Оглядываясь назад, можно сказать, что даже незначительное сокращение выбросов, предусмотренное Киотским протоколом – в совокупности чуть менее 6% от выбросов 1990 года к 2012 году – внесло бы значительный вклад. Вместо этого выбросы большинства стран увеличились по сравнению с их выбросами 1990 года, и многие страны перенесли базовый год, по которому следует сократить выбросы с 1990 года на более поздний год (с более высокими выбросами, так что сокращения будут намного менее существенными). Парижское соглашение, на мой взгляд, стало настоящим триумфом и маяком надежды, что мы сможем двигаться в правильном направлении. Таким образом, обидно видеть, что сегодня многие страны отказываются выполнять свои обязанности. Тем не менее, я сохраняю оптимизм, что мы преодолеем текущие приступы близорукости и эгоизма. Конечно, международное право не может этого сделать в одиночку. Но оно может создать основу, на которой страны смогут сотрудничать, оно может поставить цели для этого сотрудничества, и оно может обеспечить международное сообщество механизмами, которые сделают нашу работу прозрачной, даже если каждой стране самой необходимо определить точный спектр действий в сфере борьбы с изменением климата. Говоря кратко, в Парижском соглашении есть все правильные составляющие. Он обеспечивает правильную «правовую архитектуру» для глобальных действий в области климата.

– Существует подход, согласно которому защита окружающей среды является очень дорогим мероприятием, и ею должны заниматься только развитые государства, выделяя деньги для развивающихся. Напротив, Вы как-то писали, что, например, Марокко, не будучи таким уж богатым государством, входит в десятку стран с наилучшими показателями в борьбе с изменением климата. Поясните, как Вы в целом смотрите на эту проблему «Север-Юг в международных экологических отношениях»? И соответственно, как Вы оцениваете реальность принципа общей, но дифференцируемой ответственности (Common but more Differentiated Responsibilities)?

– Это еще один отличный и очень сложный вопрос. Я думаю, что международный режим противодействия изменению климата является хорошей иллюстрацией важности принципа общей, но дифференцированной ответственности, а также и вызовов, которые он влечет за собой. Мне видится очевидным, что не стоит ожидать от стран, у которых меньше технологических и финансовых возможностей для принятия мер в области климата, таких же действий, что и от более богатых, технологически развитых стран. Это также верно, если страна практически не осуществляет выбросы углерода в глобальном масштабе. В то же время, я думаю, что климатический режим также показал, что дифференциация не может означать, что страны, относящиеся к категории «развивающихся», ничего не должны делать, а страны, от-

носящиеся к категории «промышленно развитых», должны делать и платить за все. Яркая линия разграничения между Югом и Севером не является ни залогом успеха, ни особенно справедливой, поскольку крупнейшие развивающиеся страны сегодня стали одними из главных загрязнителей. Проще говоря, дифференциация также уместна между самими развивающимися стран, например, между Китаем и Кот-д'Ивуаром. Парижское соглашение, конечно же, отошло от ярко выраженной дифференциации Юг-Север, которая нашла выражение, например, в Киотском протоколе. Дифференциация в Парижском соглашении гораздо более разнообразна и, в некоторой степени, должна самоопределяться.

– Сегодня появляются все новые и новые вызовы антропогенного характера в целом. Например, многие ученые пишут, что мы живем в новую эпоху антропоцена или эры пост-правды (*posttruthera*). Как Вы думаете, отражаются ли эти концепции в международном экологическом праве? Следует ли адаптировать международное экологическое право для реакции на эти концепции?

– Итак, во-первых, эпоха антропоцена. Могу сказать, что международное экологическое право должно учитывать тот факт, что человечество в настоящее время формирует глобальную окружающую среду. Изменение климата – это только один из примеров. К сожалению, не так просто скорректировать международное право для адекватного восприятия вызовов антропоцена. Вспомните, когда «ориентация на экосистему» была главным призывом к действиям. Да, мы видим экосистемный подход в определенных международных экологических соглашениях. Но ориентировать основополагающие концепции, абстрагируясь от суверенитета государств и полагаясь на чистый экосистемный подход или антропоцен, ... ну, это определенный вызов. Что касается эпохи постправды, то это серьезная проблема не только для международного права, но и для внутреннего права и международного сообщества в целом. Международное экологическое право, в некоторых отношениях, способно решать соответствующие проблемы. Например, режимы международных экологических соглашений давно должны были разобратся, как преодолеть расхождения в научных взглядах. В ответ большинство таких режимов уделяют существенное внимание обмену информацией, общим методологиям измерения и отчетности, прозрачности и сотрудничеству с научными организациями. Я снова использую международный климатический режим в качестве примера: хотя это заняло много времени, но именно в процессе обмена информацией государствам удалось договориться о целевом значении температуры 2 / 1,5 градуса, которое в настоящее время зафиксировано в Парижском соглашении¹. Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК), в состав которой входят тысячи ученых со всего мира, внесла огромный вклад в выяснение фактов нынешнего положения дел в области изменения климата. Конечно, как я уже указывала в предыдущем ответе, для политиков, действующих на национальном уровне, все еще представляется возможным отвернуться от правды, преподнести «поддельные новости» и попытаться продать другую «правду» своим избирателям.

– В очень интересной и недавно опубликованной книге «Оксфордский учебник по источникам международного права» (“The Oxford Handbook of the Sources of International

1 Парижское соглашение направлено на «удержание прироста глобальной средней температуры намного ниже 2 °C сверх доиндустриальных уровней и приложив усилия в целях ограничения роста температуры до 1,5 °C, признавая, что это значительно сократит риски и воздействия изменения климата» (ст. 2 (1 (a))).

Law", 2018) Вы рассказали об источниках международного экологического права. В связи с этим, могли бы Вы коротко ответить, в чем состоит специфика источников международного экологического права в сравнении с другими отраслями международного публичного права? Также в рамках международных экологических соглашений проводятся ежегодные Конференции Сторон, на которых принимаются десятки решений. Каково юридическое значение этих решений, принятых на ежегодных Конференция Сторон международных экологических соглашений? Как уследить за его ростом в этой отрасли, чтобы быть в курсе динамики международного режима, и возможно ли это сегодня вообще?

– Это большой вопрос, на который я сейчас полностью не смогу ответить. Итак, позвольте мне сказать только то, что в принципе источники международного экологического права такие же, как и те, которые действуют в общем международном праве. Тем не менее, поскольку обычное право предусматривает только общие правила, которые обычно появляются и развиваются относительно медленно, то основанные на международных экологических соглашениях режимы стали основными площадками для международного экологического нормотворчества и установления стандартов. По некоторым подсчетам сегодня действует около 2000 таких соглашений, эти соглашения также имеют тенденцию устанавливать свои собственные процессы правотворчества и принятия стандартов. Как вы правильно заметили, решения договорных органов этих соглашений играют важную роль. Как правило, сам договор определяет условия, в которых Конференции Сторон могут принимать такие решения. Например, различные положения Парижского соглашения призывают Конференции Сторон принять дополнительные руководящие указания по вопросам, изложенным в Соглашении (например, требования к отчетности). В соответствующих решениях Конференции Сторон, которые призваны конкретизировать обязательства по представлению отчетности, установленные в самом Соглашении, часто используют обязательные условия, определяющие, что стороны «должны» делать. Тем не менее, по моей оценке, сами решения, как правило, не имеют обязательной юридической силы. Имеет ли этот факт практическую разницу в том, как они работают, это «вопрос другого дня». Что касается отслеживания и анализа всех решений, принятых договорными органами, то, вероятно, невозможно отслеживать все документы. Но если вас интересует конкретное соглашение, на сайте международного договора относительно легко узнать, что было принято, и получить доступ к соответствующим решениям.

– **Какой на Ваш взгляд сегодня главный вызов для международного экологического права?**

– На мой взгляд, главная проблема – это та, с которой сталкивается вся международно-правовая система. Это поворот государств к внутренним проблемам, который, по-видимому, происходит во многих странах, что проявляется в отказе от соблюдения «неудобных соглашений», и все более острые вызовы самой идее универсальности международного права, о чём мы говорили в самом начале.

– **Можно попросить привести конкретный пример, когда международное экологическое право реально могло защитить окружающую среду?**

– Я бы упомянула режим сохранения озонового слоя. Я бы сказала, что Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния 1979 г. также была довольно успешной. На самом деле, я думаю, что есть много соглашений, которые реально на практике помогли защитить окружающую среду.

– **В этом году выходит коллективная монография, где Вы – автор раздела о специфике применения доктрины Rule of Law (верховенства права) к международным экологическим соглашениям². Можно попросить Вас коротко пояснить в чем выражается эта специфичность?**

– Исходя из того, что доктрина верховенства права проявляется в легитимности и законности в международном праве, я бы сказала, что эта доктрина проявляется в определенных чертах, которые являются отличительными от правовых норм и взаимодействия. Я основывалась на работе американского теоретика права Лона Фуллера, который утверждал, что особенность права и правового взаимодействия проистекает из приверженности определенным маркерам, таким как общность (того, чего требуют нормы), обнародование, разумность, непротиворечие, относительное постоянство во времени и соответствие между существующими правилами и официальными действиями. Хотя Л. Фуллер говорил в своей работе о верховенстве права на национальном уровне, когда формулировал этот знаменитый список критериев «верховенства права», но я думаю, что они одинаково полезны и для размышлений о том, что делает конкретные правила или конкретные аргументы «правовыми» в международных отношениях. В контексте международных экологических соглашений эти критерии верховенства права могут помочь нам понять, что правовое взаимодействие также может основываться на формально необязательных стандартах, таких как решения договорных органов, о которых вы спрашивали ранее.

– **В престижном естественно-научном журнале Nature недавно была опубликована статья о том, что более 1300 исков было подано в различных судах в целях борьбы с изменением климата³. То есть этот вопрос сегодня уже вышел за пределы дискурса экологического права и приобрел иной статус. Какие перспективы в этом отношении Вы видите? Насколько сложно привлечь государство или юридическое лицо к ответственности за нарушения режима борьбы с изменением климата, как вычислить его ответственность в денежном выражении?**

– Вы задаете еще один замечательный вопрос, который заслуживает более длительного ответа. Для краткости позвольте мне просто сказать, что обычно трудно отобразить глобальную проблему, такую как изменение климата, в юридическом поле, чтобы определить права и обязанности субъектов и указать, какие они могут предпринимать юридические действия. На национальном уровне первоначальный вопрос заключается в том, насколько легко в соответствующем правовом вопросе подать иск в публичных интересах. В противном случае потенциальные стороны должны найти способ представить изменение климата как вмешательство в их права человека (скажем, их право на жизнь или на здоровую окружающую среду, их право собственности или их права на информацию или участие в данном процессе). Такие действия не могут решить проблему климата. Но они могут помочь людям бросить вызов изменению климата с юридической точки зрения и оказать давление на действия

2 Brunnee J. The Rule of International (Environmental) Law and Complex Problems // The International Rule of Law. Rise or Decline? / Edited by Heike Krieger, Georg Nolte, and Andreas Zimmermann. Oxford University press, 2019.

3 Gaiind Nisha. Climate activists turn to lawsuits to force action on global warming (NEWS 09 JULY 2019). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nature.com/articles/d41586-019-02121-6?utm_source=Nature+Briefing&utm_campaign=6c5f0660co-briefing-dy-20190705_COPY_01&utm_medium=email&utm_term=0_c9dfd39373-6c5f0660co-44154465.

Международный конгресс «Блищенковские чтения» (РУДН, 2019 г.)

государств. То же самое относится к действиям, которые государства могут пожелать предпринять на международном уровне. Они должны представить вред климату как вред своей территории (скажем, малому островному государству), но для разрешения спора потребуется согласие другой стороны. Консультативное заключение Международного Суда могло бы быть другим вариантом, но здесь большинство государств в Генеральной Ассамблее ООН или другом агентстве ООН должны поддержать вынесение запроса. Короче говоря ... пути к судебному разбирательству узки и непросты. Но, учитывая срочность климатической проблемы, я думаю, что стоит изучить доступные маршруты.

– Сегодня существует много международных судов, которые рассматривают экологические споры. Как Вы думаете, они справляются с проблемой эффективного разрешения международных экологических споров? Нужен ли международный экологический суд или достаточно существующих судов? Каково Ваше мнение о «процедуре несоблюдения»?

– Я не уверена, что могу сказать, эффективны или нет существующие суды. Я думаю, что ответ зависит от ряда факторов, которые я упоминала в предыдущем ответе. Однако я не думаю, что «международный экологический суд» улучшил бы ситуацию хотя бы потому, что мы уже затронули другой аспект: экологические проблемы редко бывают чисто «экологическими». Таким образом, один вопрос будет состоять в том, как определить юрисдикцию международного экологического суда, а другой - в том, насколько легко государствам будет формулировать свои действия в терминах, которые делают их предметом международного морского права или международного торгового права. Кроме того, в некоторых обстоятельствах на самом деле может быть предпочтительнее получить решение от Апелляционного органа ВТО, если вынесенное решение может наиболее эффективно решить рассматриваемый вопрос. Что касается механизмов соблюдения, учрежденных в рамках конкретных международных экологических соглашений, то я думаю, что они очень полезны, потому что они могут быть адаптированы к конкретным обстоятельствам соглашения, а также потому, что они могут учитывать тот факт, что большинство экологических проблем не являются двусторонними, но затрагивают многие или даже все государства.

– Вы являетесь членом Ассоциации международного права, Комиссии экологического права Международного Союза охраны природы (МСОП), Американской Ассоциации международного права, Европейской

Секция по международному экологическому праву на конгрессе «Блищенковские чтения»

Ассоциации международного права и других научных сообществ. Можно попросить Вас рассказать о работе в этих ассоциациях, насколько разработанные этими организациями документы влияют на развитие международного права?

– Из упомянутых вами организаций прежде всего Ассоциация международного права и Комиссия МСОП разрабатывают и принимают документы, предназначенные для развития международного права, например, предлагают подготовленные экспертами акты неофициальной кодификации. Я думаю, что Ассоциация международного права была довольно влиятельной в определенных областях международного экологического сотрудничества, прежде всего международное водное право приходит на ум.

– Разрешите также поздравить Вас (хоть и немного с запозданием) с недавним избранием в качестве члена Института международного права – это большое достижение для юриста-международника! Деятельность Института, у истоков создания которого, кстати, стоял русский юрист В.П. Безобразов, не так широко освещается в международно-правовой литературе и не часто можно увидеть ссылки на резолюции Института. В настоящее время Вы являетесь членом комиссии «Природные бедствия и международное право» (Natural Disasters and International Law). Расскажите, пожалуйста, об этом.

– Большое спасибо - это очень мило с вашей стороны! Кроме того, вы очень хорошо подготовлены к этому интер-

«Схевенинген (Гаага, Нидерланды). Фото Ю.Брунни»

«Традиционные игры на юге Франции. Фото Ю.Брунни»

вью - я крайне впечатлена! Я собираюсь посетить свою первую сессию Института в конце августа 2019 г. и тогда смогу рассказать вам больше о своей работе. Когда сессия соберется в Гааге, соответствующий комитет обсудит предварительный доклад председателя сэра Кеннета Кейта. Я с нетерпением жду этой дискуссии. Я буду очень внимательно читать документ, прежде чем отправиться в Гаагу!

– Еще раз спасибо, что приехали к нам в РУДН, прочитали цикл лекций, выступили на открытии пленарной части конференции, а также в качестве основного докладчика на секции по международному экологическому праву! Вы давно не были в России и, кстати, написали в своем твиттере, что Россия – «land of contrasts». Каково Ваше впечатление от России, российской науки, студентов РУДН?

– Я уехала из России с большим количеством впечатлений. Моим главным впечатлением было то, что Россия, с одной стороны имеет свои глубокие традиции, но, с другой стороны, и чрезвычайно современна. Мне не удалось изучить весь город, но запомнился мне он именно таким. С точки зрения науки международного права, я была очень впечатлена широкой палитрой обсуждаемых тем на конгрессе «Блищенковские чтения». Мое участие в заседании секции международного экологического права дало мне наилучшую возможность понять как широк диапазон затронутых тем и идей в выступлениях участников. Это действительно вдохновляет. И, поскольку я очень беспокоюсь о молодом поколении будущих юристов-международников, то я могу сказать, что одним из самых приятных аспектов моего визита была возможность встретиться с таким количеством выдающихся докторантов, которые работают в университете РУДН и в других российских университетах. Я также приветствую инициативу вашей кафедры о проведении нескольких секций на английском языке для обсуждения вопросов, представляющих общий интерес. Это такое важное начинание, особенно в наше время, когда многие замыкаются исключительно на своих интересах. Я бы посоветовала другим коллегам из других стран участвовать в будущих конференциях, проводимых вашей кафедрой. Могу добавить, что оказанное мне гостеприимство было одним из самых теплых в моей жизни. Этот аспект моего визита - еще одно впечатление о России, которое наверняка останется со мной!

– Уважаемая Ютта, вы очень плодотворный ученый! Можно попросить немного рассказать о Вашей «научной кухне»? Сколько одновременно вы пишете статей? Есть ли сегодня необходимость в классических библиотеках или Вам хватает онлайн журналов и исследований? Какую книгу или статью Вы пишете в данный момент?

– На самом деле я стараюсь не писать много разных работ одновременно. Я пытаюсь сосредоточиться на одном проекте, если это вообще возможно. И да, я думаю, что библиотеки остаются важными. Я провела последние несколько недель, работая (только...!) над моими Гаагскими лекциями. Я полагаюсь на электронные источники, а также на книги в моей личной библиотеке. Научный сотрудник, который помогает мне, в значительной степени полагался на ресурсы нашей юридической библиотеки и даже на старые добрые услуги, такие как межбиблиотечный абонемент книг!

– Дорогая Ютта, какую книгу по экологическому праву Вы бы лично порекомендовали прочитать?

Сложный вопрос – вариантов так много. Я бы порекомендовала книгу Даниэля Бодански «Искусство и ремесло международного экологического права» (Daniel Bodansky. "The Art and Craft of International Environmental Law". Harvard University Press, 2011) – это «большая картина» о том, как работает международное экологическое право.

– Учитывая, сколько времени вы тратите на науку, у вас есть хобби?

– Да, это фотографирование. Для меня это способ увидеть вещи немного по-другому и уделять внимание окружающему миру.

– И в заключение, что бы вы хотели пожелать читателям нашего журнала? Нас читают сегодня во всех странах бывшего СССР.

– Я хотела бы поблагодарить ваших читателей за их внимание и за то, что дочитали интервью до этого момента! Сила международного права и международного экологического права зависит от участия ученых и практиков в этой области. И поэтому я рада слышать, что у вас так много преданных читателей!

Интервью брал:

Солнцев
Александр Михайлович
заместитель главного редактора
Евразийского юридического журнала,
кандидат юридических наук,
доцент Российского университета
дружбы народов – РУДН

